

АГАТА КЛАВ

СЛУЧАЙНЫЙ БРАК
С МИЛЛИАРДЕРОМ

Агата Лав
Случайный брак
с миллиардером
Серия «Золушки наших дней»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67484507
А. Лав. Случайный брак с миллиардером:

Аннотация

Некоторые девушки мечтают встретить миллиардера и устроить себе безоблачную жизнь. Мне этот фокус удался лишь наполовину: миллиардер сам нашел меня и даже сам постучался в мою дверь, только вот безоблачную жизнь он представляет иначе. Он хочет взять меня в жены на полную ставку... Как на работу. Со строгим перечнем моих обязанностей и прав.

Кхм. А что, если я не согласна? И зачем это ему?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	49
Глава 6	60
Глава 7	68
Глава 8	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Агата Лав
Случайный брак
с миллиардером

Агата Лав

* * *

Глава 1

– Ты почему мне ничего не сказала? Боже! А еще сестра, называется!

Звонкий голос младшей сестры оглушает, я отодвигаю сотовый подальше от лица и с тоской смотрю на часы, которые показывают восемь утра. Я могла выспаться в свой законный выходной, если бы не ее звонок.

– Лиза...

– Нет, не Лиза, – давит сестра. – Ты когда собиралась мне рассказать?! Почему я узнаю об этом из новостей? Это же уму непостижимо...

– Из каких еще новостей? О чем ты?

– О том, что ты выходишь замуж! – с новой силой заводится сестра, а мне приходится отодвинуть сотовый еще на пару сантиметров. – Или это тонкий намек, что меня на свадьбу никто не позовет? Даже не думай! Я тебе не прощу, я хочу увидеть ЕГО своими глазами...

– Да подожди ты, – шиплю на нее, потому что иначе невозможно заставить ее замолчать. – Я вообще не понимаю, о чем ты! Какая свадьба? Какие новости?

Какие вообще могут быть новости? Даже если бы я тайно от семьи выходила замуж, это не повод диктору новостей подсовывать мою фамилию под нос. Нужно быть принцем Великобритании или на крайний случай скандальной певи-

цей, чтобы посторонние люди заинтересовались твоей личной жизнью.

А я, черт возьми, тортики пеку на дни рождения!

– Какие новости? – с издевкой повторяет мой вопрос сестра. – Светские, Светик. Ты на каждом сайте и даже по телеку мелькнула...

– Лиза, скажи честно, ты пила?

Спрашиваю у нее, а ладонь прикладываю к своему лбу. Может, температура поднялась? Или я до сих пор сплю?

Я резко поднимаюсь с кровати и направляюсь в ванную, чтобы умыться.

– Я приведу себя в порядок и перезвоню, – решительно кидаю в трубку. – Тогда мы нормально поговорим.

Отключаю телефон и поворачиваю к нужной комнате. Дверь не закрыта, поэтому зеркало над раковиной сразу сообщает, что мне уже не семнадцать. И даже не двадцать. Это раньше можно было весело провести вечер, а утром как свежая роза. Ни намека на то, что провела время в темном, плохо вентилируемом и шумном месте. Сейчас же смотрю на свое отражение и могу посчитать каждую минуту, которую позволила себе в баре.

Хорошо хоть, я почти не пила вчера. Два сладких коктейля с ничтожным содержанием алкоголя не в счет. Я была с Ларисой и ее друзьями, она получила повышение в своей фирме и затащила нас всех в пафосное местечко, где стоит чуть зазеваться – и можно оставить всю месячную зарплату

до копейки. Мне ее зарплату было жалко, и я, как настоящая подруга, смотрела в меню на цифры, а не на буквы.

Я возвращаю зубную щетку на место и еще раз умываюсь прохладной водой. Сотовый издает короткий звук и двигается ко мне ближе по стеклянной полочке. На экране горит “Сестренка”.

– Вот нетерпеливая, – стону, вспоминая наш странный разговор.

Открываю ее сообщение и вижу еще более странное. На экране моя фотография, причем явно вчерашняя. Я узнаю макияж и маленькое черное платье, которое выбрала для вечеринки Ларисы, да и на заднем плане тот самый бар с нью-йоркским интерьером.

Только вот рядом со мной незнакомый мужчина... Он сидит немного впереди, но вытянулся ко мне навстречу и почти поцеловал в щеку. Я же смотрю куда-то в сторону с легкой улыбкой, которая мне очень идет. Я даже подвисаю и забываю о постороннем мужике. Удачный кадр полностью завладевает моим вниманием. Я редко хорошо получаюсь, а тут и свет лег как надо, и поза у меня шикарная. Надо будет запомнить и практиковать этот полуоборот, он меня стройнит лучше занятий в спортзале.

– Ну и?! – пишет сестра в сообщении.

Я начинаю набирать ответ, что первый раз в жизни вижу этого мужика, но вдруг понимаю, что вру. Задерживаюсь взглядом на волевом лице брюнета и чуть не выпускаю теле-

фон из рук.

Это же Максим Константинов!

Да нет, не может быть...

Где я, а где он...

Но лицо его, и вот эта фирменная полуулыбка-полуухмылка тоже его. Я слышала об эксцентричном миллиардере, чья компания бурит нефтяные скважины, открывает казино за океаном и для разнообразия скупает чужие бизнесы. Он частенько мелькает в новостях, где произносит то официальные речи, то остроты.

А иногда господин Константинов откровенно хамит. Я до словно помню его “великую мудрость” о противоположном поле. Трудно забыть момент, когда с уст избалованного богача слетает “Я обожаю девушек. Они прекрасны, как цветы, благоухают и очаровывают. Нужно только вовремя менять букет”.

Он это сказал на восьмое марта. Поздравил, так сказать.

Телефон снова вибрирует, и от сестры приходит ссылка на сайт. Я не раздумывая нажимаю на нее и попадаю на новость, что владелец огромной корпорации заявил, что встретил свою судьбу и день свадьбы уже назначен. А рядом наша фотография из бара. Та самая, где я смотрю в сторону, а мужчина тянется к моей щеке.

Это уже сюр какой-то...

Я не понимаю, что моя фотография с Максимом Константиновым делает в новостях. Не понимаю, как вообще эта фо-

тография была сделана. И, самое главное, какого черта меня записали ему в невесты?

Что вообще происходит?

У меня даже нет провалов в памяти, я досконально помню вчерашний вечер, и не было там никаких перспективных знакомств с завидными женихами из списка богачей. Уверена, я бы это запомнила. Даже если бы выпила не два, а пять коктейлей.

– Лиза, – бросаю, когда она берет трубку после первого же гудка. – Это какая-то ошибка, я ничего не понимаю.

– То есть?

– Я не знакома с Константиновым. Я его только по телику видела, и то мельком.

– Хочешь сказать, что на фотографии с ним не ты? Но там даже имя совпадает...

– Имя?

– Там же написано: “Максимов сообщил, что его избранницу зовут Светлана”.

– Очень странно, – тяну по слогам, а в голове штиль. – Скажи, что это не розыгрыш. Что ты не издеваешься надо мной.

– Говорю.

Я протяжно выдыхаю, и в этот момент в дверь настойчиво стучат. Я на автомате иду в прихожую, пока сестра удивленно дышит в трубку. Она тоже не может найти объяснение. А я настолько плохо соображаю, что сперва открываю дверь, а

потом вспоминаю, что вообще-то не посмотрела в глазок и не поинтересовалась “кто там”.

– Ой, – только и слетает с моих губ.

На пороге стоят двое крепких и высоких мужчин. Я сжимаю ручку сильнее и уже хочу захлопнуть дверь побыстрее, как они расходятся в стороны и передо мной появляется третий мужчина.

Максим Константинов.

Это точно он.

– Здравствуйте, Светлана, – произносит он низким баритоном.

– Здравствуйте, – произношу сквозь удивление, которое граничит с шоковым состоянием.

Теперь я рада, что сестра разбудила меня в выходной и прислала фотографию из бара. Она, можно сказать, подготовила меня к тому, что происходит прямо сейчас. А прямо сейчас на пороге моей квартиры стоит господин Константинов. На нем черный строгий костюм и цветастая гавайская рубашка, от которой болят глаза. Это удивительное сочетание элегантного костюма и безвкусного верха зачаровывает меня, и я далеко не сразу понимаю, что самым наглым образом пялюсь на мужской торс.

Там, к слову, есть на что. Константинов спортивно развит и генетически одарен. У него широченные плечи и идеальный мужской рост: он высокий, но не баскетболист. Хотя мне все же приходится запрокидывать голову и смотреть на него,

как на солнышко на небосклоне.

Солнышка, впрочем, не видно, мужчина хмур и заметно собран. Тонкие губы легли жесткой полосой, а в синих глазах плещется что-то штормовое.

Интересно, он всегда такой? Или просто встал не с той ноги?

– В квартире есть посторонние? – изрекает Константинов после паузы и тут же делает шаг вперед.

Я отступаю. Все-таки, когда на тебя надвигается внушительный шкаф, да еще с недобрим взглядом, волей-неволей сделаешь шаг назад. Но я вовремя вспоминаю, что за спиной, вообще-то, моя квартира, и торможу. Заранее выставлю ладони, чтобы мужчина не думал касаться меня.

– Есть, – уверенно киваю.

Я смотрю на него, зависшего на пороге, а потом отклоняюсь в сторону и пересчитываю остальных. Кроме двух охранников нахожу сухого молодого человека в деловом костюме с галстуком. Он похож на юриста или помощника, что тенью ходит за боссом.

– В квартире один посторонний. – Я указываю ладонью на Константинова. – И еще трое стоят у двери.

Константинов коротко улыбается, будто моя шутка пришлась ему по вкусу, но вновь становится серьезен. И он делает шаг! Продавливает меня, а когда я думаю возмутиться, вовсе кладет свои ручища на мои плечи и отодвигает меня, как предмет мебели.

– Не трогайте меня! – вскрикиваю, но слишком тихо: от возмущения перехватило горло. – Не смейте...

– Все-все, больше не буду.

Мужчина убирает свои руки и проходит вперед, оглядываясь по сторонам.

– Нет, парни, не надо, – он дает отмашку охранникам, чтобы они не совались. – Только Герман пусть потом войдет.

– Герман? Какой еще Герман?!

– Светлана, – Константинов перекрывает мое возмущение гулким голосом и протягивает ладонь для рукопожатия. – Давайте начнем сначала? И познакомимся, как нормальные люди.

– Вы, судя по всему, знаете мое имя.

– А вы мое? – он усмехается.

Константинов убирает ладонь, поняв, что я не отвечу на жест.

– Ваше лицо мне знакомо. Но я бы не вспомнила ваше имя, если бы мне с утра не прислали одну странную фотографию. Я подумала, что это какая-то ошибка, но сейчас начинаю думать, что всё хуже.

– Хуже? – Его бровь изгибается. – Нет, Светлана, вы вытащили счастливый билет. Я хочу сделать вас своей женой. Официально.

Официально?

О чем он вообще говорит?

Да еще с такой довольной улыбкой. Она злит меня, и мне

хочется побыстрее сбить его хорошее настроение к черту.

– Вам наскучил гольф? Или острова в океане закончились? – Смотрю в его бездонные синие глаза и пытаюсь найти там хоть каплю совести. – Придумали новый способ развлекаться?

– Гольф наскучил, – он невозмутимо кивает, – насчет островов не уточнял. А острая на язык жена – так себе развлечение. Еще вопросы?

У меня в голове стучит один-единственный вопрос. Какого черта? Но я даю себе продышаться, чтобы не начать препираться с ним просто так.

– Больше нет вопросов? – Он актерничает и наклоняет ко мне корпус, делая вид, что боится, что что-то пропустил.

– Есть один, – шиплю, потому что он все-таки выбивает меня из равновесия. – Меня страшно интересует одна вещь.

– Какая, Светлана?

– Ваша рубашка. – Я поднимаю ладонь, показывая на буйство красок на его груди. – Не знаете, бывают такие же, но мужские? Я бы парню своему подарила.

Снова усмешка. Хозяйская и тягучая. С печатью большого босса.

– У вас нет парня.

– Откуда вы знаете?

– Я просмотрел ваше досье. Мои люди собрали информацию, я успел ознакомиться, пока ехал сюда. У вас есть младшая сестра и нет родителей, вы кондитер, работаете на себя

и не платите налоги, во всяком случае за последний год отчислений в бюджет не производили, квартиру снимаете, машиной не пользуетесь, ходите на курсы английского языка один раз в неделю и имеете диплом журналиста.

Он замолкает и смотрит мне в глаза, явно оценивая произведенный эффект.

– Вы никогда не были замужем, и у вас нет детей, – добавляет Константинов. – И вы зарегистрированы на сайте знакомств.

– Только не говорите, что нашли меня там, – я подшучиваю.

– Я нашел вас вчера в баре.

– И что? Я вам так сильно понравилась, что постеснялись подойти? Но зато сообщили всей стране, что я вот-вот стану вашей женой?

– Именно, – он кивает с хитрым взглядом, уходя от ответа. – Я не сошел с ума, Светлана, я предлагаю вам работу, а не традиционный брак. Рассматривайте статус жены как должность. Как высокооплачиваемую и престижную должность. Я посмотрел ваше резюме на сайте знакомств, и меня всё устроило, а вчера в баре было своего рода собеседование. Я наблюдал за вами, и вы оставили приятное впечатление.

Он с удивительной уверенностью произносит дикие вещи. И звучит, черт возьми, убедительно. Его можно заслушаться. Кажется, именно после таких людей в доме пропадают ценные вещи, а потерпевшие обвиняют во всем гипноз.

– А стажировка будет? – вымученно шучу.

– Вы ее прошли, когда подшутили над моей рубашкой.

– Вы же сказали, что острая на язык жена – еще то развлечение.

– А я вас выбрал не для развлечения, – спокойно замечает Константинов. – Вам не нужно знать, зачем мне это, мы заключим договор и пропишем каждую мелочь, чтобы каждый из нас понимал свою роль.

Он дает знак своему помощнику, и тот перешагивает порог и закрывает за собой входную дверь. Герман вежливо кивает мне и скидывает ботинки, после чего проходит в гостиную.

– Он пока подготовит документы, – поясняет Константинов, пока я еще прихожу в себя после всех его слов. – Нам придется подписать тысячу бумаг. Может, какие-то браки и совершаются на небесах, но наш не тот случай.

Я не настроена ни на какой брак. Поэтому хмуро смотрю на непрошеного супруга и пытаюсь мыслить рационально. Рядом с господином Константиновым это трудно, но нужно себя заставить. Нужно понять, что делать. Уходить он явно не собирается, ему больше нравится смотреть на меня свысока и раздавать приказы то своим охранникам, то юристу.

Тот уже разложил папки на обеденном столе, сдвинув мою вазу с искусственными цветами в сторону. Герман методично раскладывает листы и проверяет их порядок. В глаза бросаются яркие стикеры, которыми помечены отдельные стра-

нички. Следом помощник достает две шариковые ручки, кладет их на стол и поправляет так, чтобы они лежали строго параллельно друг другу.

Не работник, а мечта босса-перфекциониста.

Может, Константинов ждет, что я тоже буду на цыпочках ходить? Смотреть ему в рот и надеяться на щедрую премию? Деньги мне не помешают, они никому не помешают, но то, что он предлагает, не вмещается ни в какие рамки. Как он себе это представляет? Нет, не так... Как ему такое в голову пришло?!

Что значит “рассматривайте статус жены как должность”? И почему мой новый статус уже рассматривает половина страны?

– Я не собираюсь ничего подписывать, – говорю уверенно. – Даже читать не буду, я не юрист и ничего не понимаю в документах.

– Мой понимает.

– А я ему не доверяю. Ничего личного, Максим Константинов, но он ваш человек, а я вижу вас впервые в жизни.

С ума сойти, это уже начинает напоминать деловые переговоры. Я собираю руки в замок на груди и впервые вспоминаю, что Константинов застал меня врасплох. Я успела только умыться, но на голове растрепанный после сна пучок, под глазами круги из-за вечеринки, а на моей пижаме нарисован жираф.

Ну и пусть. Он сам пришел, я на утреннее свидание ни с

кем не собиралась.

– Вы правы, – неожиданно соглашается со мной Константинов. – Я могу дать...

Он переводит взгляд на позолоченный хронометр.

– ...вам время до двенадцати. Найдите человека, который посмотрит документы и успокоит вас, что в них нет ничего криминального. Я мог бы посоветовать хороших специалистов, но боюсь, им вы тоже не доверяете. Нужно только сперва прояснить два момента. Первое – вы сейчас подпишете соглашение о неразглашении информации. Все, что я вам сказал при личной встрече, и сам факт этой встречи останется между нами.

Он давит уверенным голосом. Константинов перестает обольстительно улыбаться и включает режим владельца международной корпорации. Видно, что он давно привык командовать, требовать отчет и пригвоздить к полу одним ледяным взглядом.

В этот момент я смотрю на него и остро чувствую пропасть, которая зияет между нами. Пропасть денег и безграничной власти. Я даже ежусь, как от зимнего ветра, вдруг ярко представляя себе, как я могу рухнуть в эту пропасть, если он захочет, и никто мне не поможет.

– А второе? – спрашиваю, когда Константинов ненадолго замолкает, проверяя, что я поняла каждое его слово.

– Я предлагаю хорошие деньги. Сто тысяч за каждый день.

– За каждый день брака?

– И подготовку к нему.

Хочется откашляться. А еще переспросить. Но не хочется выглядеть душой.

– Мой юрист оставит ваш экземпляр договора, чтобы вы могли ознакомиться. Юрист, кстати, тоже останется...

– Что?

– И охрана. Я должен быть уверен, что бумаги не утекут в чужие руки.

– Вы же сказали, что я могу показать их тому, кому доверяю?

– Сперва скажете Герману, кому именно. А он уж решит, допустимо это или нет.

– Прекрасно, – я усмехаюсь, но без огонька, Константинов совсем разошелся и давит уже бульдозером, проглянула хищная суть бизнесмена из высшей лиги, который привык добиваться своего любой ценой. – Я начинаю понимать, как будет выглядеть наш брак.

– Он будет выглядеть прекрасно. В этом его цель.

Он щурит глаза и делает шаг ко мне. Я оказываюсь не готова и нервно дергаюсь. Отступаю и упираюсь в комод, который стоит в прихожей. Константинов продолжает приближаться и через мгновение оказывается точно передо мной. Внимательно вглядывается в мое лицо и обдает резковатым ароматом мужского парфюма.

– Светлана, мы можем сотрудничать, а можем воевать. Но в любом случае вы будете делать то, что я скажу. Вы станете

моей женой и уже завтра поедете со мной на открытие детского фонда. Вы уже моя невеста, это невозможно откатить назад...

– Почему? Можно сказать, что произошла ошибка.

– Я не совершаю ошибок. Никогда.

Он медленно подносит ладонь к моему лицу и хочет поправить выбившуюся прядку, но я перехватываю его пальцы и отбрасываю их прочь.

– В договоре есть что-то о том, что вы можете трогать меня?

– Нет, – Константинов улыбается одними уголками губ, понижая голос до хриплого шепота. – Я бизнесмен, а не монстр.

– Я бы поспорила.

– Мне это нравится. Спорьте на здоровье, Светлана, только не глупите.

– Вы можете уже отойти? Мне дышать нечем. А люди как раз совершают глупости из-за нехватки кислорода.

Константинов делает небольшую паузу, забираясь неприлично глубоко в мои глаза. Он умеет смотреть прямо в душу, ничего не стесняется и буквально ввинчивается. Но все же отступает. Отходит к входной двери и кладет широкую ладонь на металлическую ручку.

– Я жду своего юриста с вашими подписями к обеду. После того как вы подпишите все необходимые бумаги, он скажет вам, что будет дальше. Вам пришлют помощника и по-

могут собрать личные вещи.

– Это еще зачем?

– Вы не сможете жить здесь дальше. Во-первых, это странно для моей будущей жены...

– Вы хотели сказать “бедно”?

– А во-вторых, скоро здесь будет больше прессы, чем на Каннском кинофестивале. Вам все равно больше не дадут здесь жизни. Да и соседи замучают.

Он снова улыбается с хитринкой.

– До встречи, Светлана. – Константинов кивает мне и скрывается за дверью.

Я слышу, как он приказывает охранникам остаться дежурить, а сам направляется к лифту. Гулкие шаги отдаляются, но меня не покидает ощущение, что он по-прежнему здесь. Он уже перевернул мою жизнь с ног на голову, и этого уже не исправить.

Глава 2

На ум приходит только сестра. Лиза уже в курсе происходящего безумия, и она оканчивает юрфак. Удачное комбо. Вот кому я позвоню и попрошу совета насчет бумаг. Я беру сотовый в ладонь, на что тут же реагирует Герман. Он вытягивается стрункой и смотрит на меня осуждающе.

– Вы хотите с кем-то связаться? – спрашивает помощник.

– С ума сойти, меня никогда так не контролировали! Даже в детстве.

– Это не шутки, Светлана Сергеевна. Вы должны предельно серьезно подойти к делу...

Я фырчу на него, чтобы он убедился в моей серьезности как следует. Герман теряется, не зная, что сказать на это, но через мгновение тоже тянется к своему телефону.

– Seriously? Позовешь охрану?

– Вы не оставляете мне выбора.

Я качаю головой, поражаясь абсурду ситуации. Мне указывают, что делать в собственной же квартире, и указывает мужчина, которого я десять минут назад знать не знала. Я придиричиво оглядываю Германа с ног до головы и пытаюсь прикинуть его возраст. Ему около тридцати, его можно назвать привлекательным, но и заносчивым тоже. Есть в его внешности спесивая нотка, которая бросается в глаза из-за идеального костюма и холодного взгляда. Будь он девушкой,

я бы назвала его фарфоровой куклой. Ну а так обычный павлин.

– Я звоню своей сестре, – решительно отрезаю и нажимаю зеленую кнопку вызова на дисплее. – Она тоже юрист, и я хочу видеть ее здесь как можно быстрее.

Лизу не надо поторапливать. Хватает одной фразы. Я говорю ей, что “фотография, которую она кидала мне утром, неожиданно материализовалась и явилась ко мне в квартиру на собственных ногах”, и на том конце повисает пораженная пауза. Ну же, Лиза, думай! Мне нельзя никому рассказывать о визите Константинова, поэтому я использую шифр для пятилетних и надеюсь, что сестра не начнет восторженно верещать прямо в трубку.

– Через пятнадцать минут буду, – заявляет Лиза вскоре.

Приезжает она вовсе через двенадцать. С порога округляет глаза и тычет пальцем себе за спину.

– Да, – киваю ей, – у меня теперь появилась охрана.

Я провожаю ее в гостиную и знакомлю с Германом. Быстро обрисовываю ситуацию и показываю на кипу бумаг, которыми завалили мой стол. Пока два юриста находят общий язык, я поворачиваюсь к столешнице и занимаюсь завтраком.

Ставлю чашки с кофе на стол, не забывая о Германе, хотя он ни черта не заслужил. Рядом располагаю тарелку с бутербродами и подхожу ближе к сестре. Она заметно хмурится, собирая морщинку на переносице, пока читает строчки,

и то и дело поднимает вопрошающий взгляд на Германа. Тот лишь кивает. Сестра же нервно сглатывает и вновь утыкается в текст.

– Мне нужно поговорить с сестрой наедине, – произносит Лиза, когда откладывает последний листок.

– Хорошо. Только оставьте сотовые на столе, пожалуйста.

– Пожалуйста, – я повторяю за Германом и не могу сдерживать издевательскую фразу. – На какое-то определенное место положить или можно куда угодно?

– Куда угодно, – Герман сохраняет железобетонное спокойствие. – И спасибо за кофе, он чудесный.

– Для вас старалась.

Герман кивает еще раз, а сестра уже подталкивает меня на выход. Она берет меня под руку и ведет в спальню, дверь которой захлопывает за нашими спинами.

– Капец, Светик, – выдыхает она и оседает на кровать.

– Это твоя профессиональная оценка?

– Все серьезно, ты понимаешь? Это настоящий договор, никакой не розыгрыш...

– И что в нем? Не томи.

– Ты будешь должна заключить с ним брак, поддерживать имидж преданной и заботливой жены, ездить с ним в командировки и отпуска, сопровождать на встречах и выходах в свет, давать интервью, заучив правильные ответы, участвовать в фотосессиях... Там каждый шаг прописан. И ты не имеешь права заикнуться о фиктивности вашего брака. По-

сле подписания договора тебе выдадут что-то вроде легенды. Ты должна будешь запомнить, как именно вы познакомились. Если вздумаешь нарушить этот пункт, тебе будет грозить уголовная ответственность.

– Ох.

– С остальным проще. Ты имеешь право обсуждать график и просить выходной.

– Выходной от брака?

– Ага, – она кивает со смешком, – от Константинова.

Правда, тут тоже есть один нюанс.

– Какой?

– Никаких других мужчин. Вообще никаких.

– А говорят, бизнесмены любят конкуренцию.

Я тоже сажусь рядом с сестрой, обессиленно выдыхаю и смотрю слепым взглядом на стенку напротив. Я потеряна и никак не могу собраться с мыслями, у меня чувство, словно планета сошла с оси и делает бешеные кульбиты, из-за чего я парю в невесомости и не чувствую под ногами твердую землю.

– Значит, ему нужна жена как ширма? Для прессы? Имиджа?

– Что-то такое, – Лиза соглашается и протягивает ко мне ладонь, поглаживает мое плечо, успокаивая, и всем видом показывает: прорвемся. – Но договор чистый.

– Что это значит?

– Без второго дна и звездочек мелким шрифтом. Четко

прописаны должностные требования, суммы и сроки.

– Ах да! Сроки! Какие они там?

– Свадьба через две недели, а сам брак продлится три месяца. Также оговорена возможность продлить его еще на три месяца.

– То есть полгода – это максимум?

– Да. Он обязан дать тебе развод и закрыть все финансовые обязательства перед тобой. Ты видела, какие деньги он предлагает?!

– Да, он уже похвастался.

– Его компания будет платить тебе каждую неделю, тебя устроят в один из его фондов, и все суммы будут проходить легально. А ты к тому же станешь лицом этого фонда. Этим многие жены богачей занимаются, будешь на Бентли разъезжать и по красивым выставкам ходить, устраивать благотворительные вечера и с высшим светом общаться.

– Мне что-то страшно, Лизка.

– А ты подумай, что упустишь? – Сестра поворачивается ко мне и смотрит прямо в глаза. – С тобой когда-нибудь происходило подобное? Или со знакомыми?

– Ты сама знаешь ответ.

– Вот именно! Его все знают. Это как звезда, которая с неба свалилась прямиком в ладошку. Да, есть шанс обжечься, но шанс чуда тоже никто не отменял.

Я молчу, пытаюсь собрать все факты воедино. Меня успокаивает, что сестра не нашла ничего опасного в договоре,

кроме ответственности за разглашение. Но это всего лишь надо держать язык за зубами. А остальное... Нужно полгода максимум побыть супругой одного из самых богатых мужчин страны. Если не мира.

– Я же не должна буду... – я запинаясь, смущаясь, – исполнять супружеский долг?

– Боже, не раскатывай губу, – издевается сестра. – У вас будут скучные деловые отношения, никакой искры.

Ох, не видела она этого Константинова в жизни. И не видела, как я не могу удержаться и начинаю препираться с ним. Там столько искр.

– Я бы рискнула, – добавляет сестра. – У тебя появился шанс увидеть другую жизнь, Светик. Совершенно другую, как из сказки или телика. Неужели не любопытно?

Глава 3

Дело не в любопытстве. А в деньгах, как бы банально это ни звучало.

Я прикидываю порядок сумм, которые могу получить, и понимаю, что запросто выплачу наши с сестрой ипотеки. Лизку бросил непутевый муж, оставив за спиной маленького ребенка и непогашенные долги. Поэтому она не понимает, как можно не использовать такой шанс. Она хочет верить в хорошее, как хочет этого человек, который устал видеть плохое.

Я соглашаюсь с ней и ставлю росчерки везде, где нужно. Потом вместе с сестрой иду собирать чемоданы, хотя внутри все равно сомневаюсь. Подписи поставила, а себя до конца не убедила.

Но меня живенько подгоняет шумная толпа под окнами. Рядом с подъездом разворачивается самый настоящий пресс-центр! Я осторожно выглядываю из-за жалюзи и наблюдаю, как подъезжают мини-фургоны с наклейками федеральных каналов. Они занимают все свободные карманы и едва не перекрывают единственную дорогу.

– Надо поторапливаться! – раздается громкий голос Германа из соседней комнаты. – Охрана говорит...

– Уже вижу, – кричу ему в ответ. – Мы собираемся.

Я закидываю в чемодан домашнюю пижаму и пытаюсь

припомнить, что хотела достать из ящиков. Взгляд же то и дело уходит к окнам. Внизу уже туда-сюда мельтешат девушки с переносными микрофонами, тучные мужики с камерами воюют за лучшую точку для съемки, а бабушки на лавочках поправляют прически, чтобы быть готовыми к интервью.

У кого-то звездный час, а для меня лишняя нервотрепка. Я хочу избежать интервью всеми силами, даже самой съемки, но это невозможно. У нас дом старой постройки, тут только одна дверь на каждый подъезд. Никаких черных ходов и специальных лазов для публичных людей.

– Всё так быстро происходит, – выдыхаю, ловя потрясенный взгляд сестры: она тоже не ожидала, что пресса появится как черт из табакерки. – Вот зачем Константинов растрепал всем? Почему сперва не договорился со мной, а потом уж показывал мою фотографию?

– Кто разберет этих богачей. – Сестра лишь пожимает плечами.

А меня всё больше гложут заданные вопросы. Я впервые об этом задумываюсь из-за спешки. Ведь сам Константинов, считай, устроил ее... Но зачем? Зачем ему вообще было рисковать? Он же бизнесмен, должен всё просчитывать на шаг вперед, а не играть в русскую рулетку. А если бы я отказала, или заупрямилась, или оказалась неадекватной и сама бы побежала к журналистам? Или вот сейчас бы открыла окно и закричала под камеры: “Помогите! Насильно берут замуж!”

– Все-таки странный он, – говорю сестре. – Может, им-

пульсивный, конечно.

– Может.

– Или я чего-то не знаю.

Какую цель Константинов вообще преследует? Он сказал, что мне не нужно знать, зачем ему понадобился фиктивный брак. Но почему именно со мной? И почему так внезапно и стремительно?

Я отмахиваюсь, чтобы не передумать. Да и сидеть в доме, который осажден телекамерами, совершенно не хочется. Я защелкиваю чемодан и подхватываю его с кровати, Лиза берет второй. Мы выходим в гостиную, где к Герману уже присоединилась миловидная брюнетка. Она не представляется, но протягивает мне большие солнцезащитные очки.

– В них будет проще, – говорит она серьезным тоном. – Не давайте никаких комментариев, когда будете выходить. Журналисты обступят вас со всех сторон и начнут задавать вопросы. Один за другим, перебивая друг друга. Будет шумно, могут толкаться, не обращайтесь внимания, просто идите за охраной и держите меня в поле зрения. Я буду идти впереди и провожу вас к машине.

Брюнетка кивает куда-то в сторону и указывает на мои чемоданы.

– Чемоданы сейчас заберут, – добавляет она. – Охрана прихватит.

– Отлично.

– Только вам нужно будет переодеться. Этот наряд не

годится. – Она морщится, бросая на меня оценивающий взгляд. – К счастью, я подготовила комплект.

Она разворачивается на высоких каблуках и подходит к дивану, на котором я замечаю телесный чехол для одежды. На нем жирными буквами написано название крутого бренда.

– А что не так с моей одеждой? – У меня чувство, будто меня оскорбили, я выбрала брючный костюм и достала лучшую блузку.

Брюнетка оборачивается через плечо, следом переводит взгляд на Германа, который как будто должен был мне объяснить ситуацию, чтобы таких моментов не возникало. Я вижу это по ее недовольному виду и по тому, как Герман виновато закусывает нижнюю губу.

– Светлана Сергеевна, давайте вы мне доверитесь, – брюнетка справляется с собой и обращается ко мне медовым голоском. – Нас сейчас сильно поджимает время, я прошу вас всего лишь сменить костюм. Мы потом обсудим ваш гардероб и придем к компромиссу.

– И прическу тоже?

– И макияж, и даже вес. – Она кивает. – Таков договор.

Каждый шаг. Как и предупреждала сестра.

Только я бы сейчас уточнила: каждый сантиметр моего тела. Да, Константинов не будет ко мне прикасаться, но мой внешний вид слепят на его вкус. Хорошо, сестра вовремя спохватилась и уточнила момент с пластическими операция-

ми. Мы записали их невозможность отдельным пунктом. Но под пристальным и немигающим взглядом брюнетки я начинаю сомневаться.

Вдруг мы все-таки что-то упустили с сестрой?

– Господин Константинов уже ждет вас, Светлана Сергеевна, – нажимает брюнетка, поглядывая на экран своего сотового. – Пожалуйста, переоденьтесь, и мы поедем.

Я сдаюсь и иду в ванную. Впервые в жизни надеваю брендовую одежду, но не испытываю никакого трепета. Я вообще равнодушна к маркам, но уже чувствую, что вот-вот окажусь в мире тяжелой роскоши. Уже стою на ее пороге... Ведь внизу дежурят журналисты, вокруг толпятся охранники и помощники, а особняк миллиардера готов распахнуть свои ворота.

– Прекрасно. – Брюнетка оглядывает меня, когда я возвращаюсь в комнату.

Она остается довольна. Спорить нет смысла, она действительно знает толк. Нежно-розовый костюм идеально подошел к моей светлой коже и волосам, и с размером она угадала, что уже откровенно меня пугает. Меня словно под лупой рассматривали и успели подготовить отчет по моей внешности. Не удивлюсь, если эта женщина лучше меня знает, что красит мою фигуру, а что нужно обходить стороной.

– Мы готовы, – кивает женщина.

Мы длинной вереницей выходим из квартиры. Вперед выступают двое охранников, но к ним прибавляются еще двое,

когда мы спускаемся на первый этаж на лифте. В плотном кольце мужской силы я выхожу из подъезда, поправляю очки, которые закрывают половину моего лица, и смотрю на спину брюнетки. Как ориентир.

И он, черт возьми, оказывается необходим в этом океане безумия! Стоит стальной двери распахнуться, как на нас накатывает волна людей с микрофонами и камерами. Я инстинктивно пригибаюсь и даже наталкиваюсь на одного из охранников. Он помогает мне устоять на ногах и подавливает толпу, чтобы дали дорогу.

– Без комментариев, – деловито сообщает брюнетка. – Без комментариев.

Но журналистов это не останавливает, на меня градом сыпятся щелчки фотозатворов и громкие хлесткие вопросы.

– Господин Константинов предложил вам брачный контракт?

– Вы виделись с его первой женой?

– Почему она вдруг дала показания против него?

– Она врет, по-вашему?

– Вы готовы простить его, если это окажется правдой?

Передо мной распахивается дверца огромного внедорожника, и я запрыгиваю на заднее сиденье. Авто тут же трогается, покидая двор вместе с шумом папарацци. Я снимаю солнцезащитные очки и пытаюсь прийти в себя после всех вопросов журналистов. Их было так много, и так громко, что в голове стоит протяжный гул. Или даже вой.

Как знаменитости живут в таком кошмаре? К нему можно привыкнуть? Все толкаются, кричат, нороят подсунуть диктофон под нос. А ты проникаешься ненавистью ко всему человечеству даже быстрее, чем на кассе в субботний вечер в супермаркете.

Ужас.

И о чем меня спрашивали?

Константинов уже был женат?

У них тоже был брачный контракт?

Но брак, судя по всему, сильно не задался, если бывшая выдвигает ему какие-то обвинения. Уточнить, что за обвинения, не у кого. Я нахожусь на заднем сиденье одна, спереди же сидят двое мужчин в черных костюмах. Водитель и охранник. Оба сосредоточенно молчат.

– Черт! – коротко вскрикиваю, проверяя карманы нового пиджака. – А где мой... Ну нет, нет... Я оставила сотовый дома.

Мужчины по-прежнему не реагируют. Как роботы, честное слово. Я все же предпринимаю попытку растормошить их и наклоняюсь между кресел.

– Я забыла телефон, – произношу уверенно. – Нам нужно повернуть...

– Вам выдадут новый, Светлана Сергеевна.

– Нет, я хочу свой.

– Вы можете пострадать, если придется резко тормозить. –

Охранник протягивает широченную ладонь и показывает,

что мне стоит вернуться на место. – А ваше здоровье и безопасность – это моя работа.

– Как же я польщена, – злобно выдыхаю.

Делать все равно нечего. Не драться же с ним.

Я откидываюсь на спинку и собираю руки в замок. Обращиваюсь назад и замечаю еще один внедорожник охраны. В голове не укладывается, сколько людей работает на Константинова. Как винтики огромной отлаженной машины. И ведь с каждым, как со мной, заключен свой подробный договор. Не хочется думать о себе как о винтике, но с каждой секундой в мире Константинова становится ясно, что резьба здесь тугая. Так просто не соскочишь.

– Нам долго ехать?

– Час, – бросает охранник.

Дорога занимает больше часа, мы покидаем город и направляемся в сторону элитных поселков. Один из них встречает нас глухим кирпичным забором и будкой с пропускной системой. Оба внедорожника ныряют под шлагбаум, поворачивают направо и подъезжают к главному входу двухэтажного коттеджа.

– Как дорога? – с фальшивой учтивостью интересуется брюнетка, распахнув для меня дверцу. – Пойдемте, я провожу вас.

– Что это за дом?

– Загородный. – Женщина смотрит на меня как на идиотку, словно я спросила, сколько будет два плюс два. – Вы

проведете здесь всего несколько дней. Господин Константинов живет в другом доме, а тут удобно провести подготовку.

– Подготовку?

– Всегда сбегать от прессы не получится, да и мы не собираемся вас прятать. Наоборот, вы должны уверенно держаться перед камерой и четко понимать, что и как нужно говорить. Ну и стиль с манерами надо подправить.

Она не удерживается и колет меня надменной шпилькой.

– О чем говорили журналисты? Я что-то услышала о его жене и обвинениях...

– Да, я тоже слышала вопросы.

Женщина берет паузу, явно размышляя, что стоит мне рассказать, а что нет. Бросает на меня скептический взгляд, за который ее хочется придушить, но все же продолжает:

– Господин Константинов был женат пять лет назад. Разводились они полюбовно и без суда, поэтому никаких некрасивых историй с дележкой имущества не было. Общих детей у них тоже нет, Максим Викторович не поддерживал связь с бывшей женой. И удивлен ее появлением не меньше...

У женщины вспыхивает экран сотового, и она отвлекается на переписку. Очень важную, судя по всему. Ее никак нельзя отложить, так что она нагло игнорирует мои акцентированные выдохи. Тогда я протягиваю ладонь и просто-напросто вытаскиваю сотовый из ее рук.

Брюнетка смотрит на меня так, будто я заодно стянула с ее кисти все золотые украшения.

– С женой разобрались, – я киваю, – а какие обвинения?

– Светлана Сергеевна, отдайте мой телефон.

Она останавливается посреди дорожки из серого камня и встряхивает ладонью.

– Я ее бил! – мужской бас расходится по всему пространству и оглушает зашкаливающим градусом злости. – За волосы таскал и об стенки швырял! Инна, ты это слышала?! Только что показали!

– Максим Викторович, – брюнетка вмиг забывает обо мне и бросается к боссу, – мы это уладим, я уже разговаривала с Андрюшей, он может взять в эфир ваше...

Константинов бросает на нее ледяной взгляд, и женщина замолкает. Я же не могу отвести глаза от разъяренного лица Максима Викторовича. От того самодовольного бизнесмена с офисами во всех столицах мира не осталось ни следа, под натянутой кожей ходят желваки, а в глазах мерцают огненные вспышки. Константинов стоит на верхней ступеньке крыльца и то и дело сжимает и разжимает кулаки.

– Я ее бил, – повторяет он уже другим голосом, упавшим и едва различимым, гнев сходит с его волевого лица, и остается лишь усталость, или даже глухое разочарование. – Найди, кто это придумал. Кто работает с ней и пишет ей этот вздор!

Он снова заводится, но короткой вспышкой. Константинов резко разворачивается и идет назад в дом.

– Вот какие обвинения, – произносит Инна. – Его бывшая жена собралась посетить все ток-шоу страны и заодно напи-

сать мемуары.

Я стою ошеломленная. Женщина вытягивает из моей ладони свой сотовый и дает мне еще пару секунд. После чего показывает, что пора идти в дом.

– Он отходчивый, – добавляет она, замечая, что я не решаюсь сделать шаг. – Может сломать что-то, конечно, но такая сцена – это редкость. Его сейчас просто со всех сторон давят.

Глава 4

Инна проводит меня внутрь дома и сразу направляет в столовую. Я не успеваю толком осмотреться и вслед за помощницей поворачиваю к большому овальному столу. Над ним покачиваются люстры на длинных нитях и создают легкое приятное свечение.

– Нужно сделать пару свежих снимков, – произносит Инна, успевая предугадать мои вопросы. – Я посмотрели ваши профили в соцсетях, там очень мало фотографий.

Она проходит к окну и поправляет шторы, словно уже делает всё, чтобы кадр получился совершенным.

– Я не люблю фотографироваться.

– А я не люблю слушать “я не люблю”, – язвит она, но тут же меняется в лице.

Она по одному постукивающему звуку ботинок понимает, кто идет. Порывисто оборачивается и начинает говорить совсем другим голосом. Деловым, но по-женски мягким.

– Максим Викторович, Стас сейчас подойдет. Буквально пару снимков. Я знаю, как вы это не любите...

– Ненавижу, – зло бросает Константинов.

Черт, он до сих пор не в духе.

Я инстинктивно делаю шаг назад. От мужчины идет тяжелая энергетика, из-за чего хочется держать дистанцию. Тем более он грубо кричал несколько минут назад, а моя нерв-

ная система пока не пришла в норму. Если он продолжит в том же духе, я поверю всему, что рассказывает о нем бывшая жена. Да и вообще, откуда мне знать, кто здесь говорит правду?!

Может, меня держат за наивную идиотку, которую вслепую используют в своих схемах. Константинов вполне может оказаться домашним тираном, а я здесь, чтобы поправить его репутацию. Кто-нибудь из его штаба бросил идею, что неплохо бы заделаться идеальным супругом и таким образом отразить все грязные атаки конкурентов.

Идеально же?

Нет. Не сходитя. Константинов мог нанять профессиональную актрису или найти кого-то из своего окружения. У богатых влиятельных мужчин не бывает нехватки в невестах, он бы за секунду нашел, кого осчастливить обручальным кольцом. И не пришлось бы тратить время на мою “подготовку”, как это называет Инна.

– Куда мне встать? – хмуро спрашивает Константинов.

Он вдруг замечает меня и задерживается тяжелым взглядом на моем лице. Потом опускает глаза на мои ладони, которыми я зачем-то держусь за край стола.

Черт, он прекрасно видит, что я разнервничалась.

– Рядом со Светланой, – отвечает брюнетка. – Ох, Стас! Наконец-то! Нам пришлось ждать тебя!

В комнату входит высокий парень в вытянутой футболке, через шею у него переброшен фотоаппарат, а сзади идет по-

мощница со светоотражателями. Я теряю ее из вида, потому что Константинов вдруг делает шаг навстречу. Я сперва отшатываюсь от него и только потом понимаю, как глупо это выглядит со стороны.

Бровь Константинова ползет вверх.

– Вам плохо, Светлана? – спрашивает он.

– Нет, все в порядке...

– Не врите, я же вижу.

Он придвигается ближе, а я до боли закусываю нижнюю губу. Я отлично накрутила себя и чувствую, как убыстряется сердцебиение с каждым шагом мужчины. Утром же всё было нормально, он бесил меня, а не пугал. А теперь и дышать рядом с ним сложно.

– Вы посмотрели интервью моей бывшей?

Мотаю головой.

– А выглядите так, будто да. Я теперь отчетливо вижу, каким подонком выгляжу в дамских глазах. Даже отчеты помощников читать не надо, достаточно одного взгляд на ваше побледневшее лицо. Вы ей поверили, да? Я похож на человека, который может поднять руку на женщину?

– Я не знаю вас.

– Но верите в плохое, – он усмехается. – Уже жалеете, что подписали договор?

Он останавливается, подойдя вплотную. Я поздно замечаю это и пару мгновений смотрю на верхние пуговицы его светлой рубашки. Утром он был в другой. В яркой и сшитой

для бармена на Ямайке.

– Мы перейдем на «ты», – произносит Константинов после паузы. – Пора привыкать друг к другу.

Почему-то это звучит почти зловеще. Я запрокидываю голову и смотрю в его синие глаза. В них океан и обещание шторма. Он злится, что я так реагирую на него, но сдерживается.

Константинов поворачивается к фотографу и показывает, что мы готовы.

– Отлично, – отзывается фотограф, он подгоняет свою помощницу и чуть сдвигается вправо. – Встаньте ближе друг к другу... Можете приобнять невесту, Максим Викторович...

– Кого? – я вспыхиваю. – Меня?

– Да, тебя. – Константинов вдруг вспоминает свою фирменную издевательскую улыбочку и понижает голос до хриплых вибраций.

Он без предупреждения протягивает ладони к моей талии, а пока я успеваю лишь упереться ему в грудь, притягивает к себе так крепко, что с моих губ слетает стон.

– Ты отталкиваешь меня и портишь композицию, – подтрунивает он, опуская глаза на мои пальцы на его груди. – Потрогаешь меня потом. Потерпи до первой брачной ночи, малышка.

Малышка?!

Он... он...

– Никакой первой брачной ночи, – шиплю в его самодо-

вольное лицо. – И никакой малышки.

Я топаю ножкой – и прямиком по стопе Константинова. Специально хорошенько прикладываюсь, чтобы он перестал скалиться.

– Добавить?

– После фотосъемки. – Он коротко качает головой, намекая, что пора работать. – Можешь презирать меня и считать уродом, если так хочешь, но на камеру только нежность.

Он чуть ослабляет хватку и поворачивается лицом к камере. Мне же нужно еще пару мгновений, чтобы перестроиться. Я не верю, что у меня выйдет нормальное лицо, но надеюсь на мастерство фотографа. В любом случае я должна участвовать в съемках, это точно записано в договоре.

– Положите руку Максиму Викторовичу на плечо, – командует фотограф. – Повыше, еще...

Я осторожно крадусь по ткани пиджака и чувствую, как не могу никуда деться от грубоватого аромата туалетной воды Константинова. Мог бы подобрать и утонченнее, а не мучить девушку предельно маскулинными нотами. А еще он горячий, как картонный стаканчик с кофе в июле, от жара его крепкого тела просто-напросто не скрыться. Я напитываюсь им против воли и молю, чтобы у меня не вспотели ладони. И не покраснели щеки.

– Ближе, – напирает фотограф.

Константинов переносит ладонь на мою поясницу и прижимает к себе. Я невольно утыкаюсь подбородком в его ши-

роченную грудь и замечаю, как довольно улыбается фотограф. Ну хоть кто-то здесь отлично проводит время.

– Может быть, поднимете невесту на руки?

– Нет! – вскрикиваю и сама же ежусь от эха своего нервного голоса, которое расходится по огромному дому.

– Невеста боится высоты, – отзывается Константинов. – Я бы не отрывал ее туфельки от пола.

Он смотрит вниз и вглядывается в меня со странным коктейлем эмоций. Там и любопытство, и вызов, и укор, и отголоски недавней злости. Там столько всего, что мне никогда не разгадать. Я могу думать лишь о том, что это только первый день, только самое начало... сколько еще я узнаю об этом человеке?

Фотосессия продолжается еще полчаса.

Константинов скрипит зубами на каждое новое указание фотографа, но действует как настоящий профессионал. Он умеет изображать благостную мину, когда просят, и умеет выглядеть так, словно только сошел с личной яхты. И плевать, что Константинов если откуда-то и сошел сейчас, так с телевизионных экранов, где полощут его грязное белье в прямом эфире.

Он отличный актер. И определенно привык закрываться ото всех маской благополучия. У него выходит это с пугающей легкостью, как головокружительный танец. Он играет уголками губ, меняя тональность улыбки от официальной до искренней, от легкой до невыносимо сексуальной, и искрит

глазами. Им легко залюбоваться, но еще легче поймать шок. Ведь если бы я не видела его гневную вспышку из-за бывшей жены, то никогда бы не догадалась, что сейчас творится у него на душе.

Не хочется признаваться, но я беру с него пример. Тоже приглушаю эмоции и стараюсь делать то, что говорят. Поворачиваюсь, улыбаюсь, позволяю Максиму Викторовичу обнимать меня на правах будущего мужа.

– Нам завтра ехать на открытие фонда, – произносит Константин между щелчками фотоаппарата. – Ты помнишь?

Конечно, я помню. Он самоуверенно заявил об этом в прихожей моей квартиры.

– Ох, боюсь, я еще не готова, – я изображаю печальный вздох и развожу руками. – Инна считает, что у меня проблемы с гардеробом и манерами.

Константинов щурит глаза и легонько усмехается.

– Стоит прислушаться к ней, – добавляю вполголоса. – Вдруг я опозорю тебя? Не так выйду из машины или скажу какие-нибудь глупости.

– Девушкам в розовом идут глупости.

– Но я слышала, в высшем свете нельзя повторяться. Меня сегодня снимают в розовом, завтра придется выбрать другой цвет. Еще подумают, что ты сэкономишь на своей избраннице.

– Я явно сэкономил на своем спокойствии, когда выбрал не девушку, а занозу в баре. – Жесткие губы Константинова

трогает ироничная ухмылка.

– Так просто? – Я чувствую свой шанс хоть что-то узнать и, проигнорировав указание фотографа, поворачиваюсь к Константинову. – Ткнул пальцем в баре и выбрал?

– Да, именно. – Он кривится на мое “ткнул пальцем”. – Еще хотел сразу утащить в пещеру, но вспомнил о манерах.

– Но почему я? Там было очень много девушек... И красивее, и моложе меня.

– Да? – он наигранно удивляется. – Черт, в барах вечно ужасное освещение, легко промахнуться.

– Светлана! – резкий голос Инны заставляет встрепенуться и вспомнить, что кроме Константинова, будь он проклят со своим остроумием, в комнате есть еще люди. – Стас к кому обращается?

– Ой.

Я поворачиваюсь к фотографу, но Константинов опережает меня. Он уже понял задачу и садится на стул, утягивая меня следом. Я только делаю намек на сопротивление, как Константинов напирает сильнее и усаживает на себя. Ох! Давно мне не было так неудобно. Тем более Константинов приобнимает меня и кладет ладонь на мое бедро. Я нервно сглатываю и замираю как восковая фигурка, чтобы не ерзать.

Боже, на что я подписалась?

Я совершенно не подумала о таких мелочах.

Я подумала о пластических операциях, но не подумала, что мне придется сидеть на чужих коленях.

– Ты слишком зажата, – произносит Константинов. – Отомри, красавица.

– Замолчи, – я сейчас могу только шипеть на него. – Ради всего святого.

Он проводит носом, задевая прядки моих волос, и фотограф тут же делает скорострельную серию. Я же жалею, что она не автоматная и не в корпус Максима Викторовича.

– Тебе нужно привыкнуть ко мне, – продолжает Константинов. – Иначе ты будешь шарахаться от каждого моего неосторожного движения.

Он обхватывает мое запястье и мягко проводит подушечкой большого пальца по кругу. Медленно и томно, надавливая и обжигая. Я не выдерживаю и отнимаю руку.

– Мы можем уже закончить с этим? – Я смотрю ему в глаза и говорю ровным голосом. – Разве недостаточно снимков?

Константинов пару мгновений вглядывается в мое лицо, словно там спрятан важный для него шифр, а потом дает отмашку Стасу. Он выпускает меня из рук и внимательно наблюдает, как я вскакиваю на ноги и поправляю костюм, чтобы хоть чем-то занять руки.

– Ты права, ты не готова.

Я поднимаю голову на его реплику, из-за которой у Инны случается маленький сердечный приступ и она уже берет побольше воздуха в легкие для протестов. Ведь нельзя срывать утвержденный график.

– Я завтра поеду один.

– Вы уверены, Максим Викторович? – Инна все же уличает момент и вступает в разговор. – Мы уже пообещали представить вашу невесту именно на открытии детского фонда. Это самое подходящее место, ваш будущий брак будет ассоциироваться с хорошим делом, благотворительностью...

– Нет, я хочу отложить, – уверенно произносит Константинов. – Я решил не уезжать сегодня, я тоже поживу в этом доме.

Что?

У меня округляются глаза.

– Вместе со Светланой. Нам стоит получше друг друга узнать. Пожить под одной крышей, побыть вместе.

– Я хочу перечитать договор, – бросаю поспешно.

Еще я хочу воды и свежего воздуха, чтобы не свалиться в обморок.

– Там есть пункт о совместном проживании, – отвечает Константинов.

– Но у нас же будут разные спальни? – я произношу мысли вслух, что случается со мной, когда я паникую.

А я паникую.

Я пытаюсь свыкнуться с мыслью, что фиктивный брак – это моя новая работа, а Константинов – мой ужасный босс. Но ведь от боссов отдыхают? Приходят домой и забывают об их существовании до следующего рабочего утра. А тут что?! Он будет круглосуточно рядом?

Инна будет меня дрессировать под требования высшего

света, а господин большой босс приручать к своим горячим рукам?

Что-то сто тысяч уже не кажутся такими заоблачными деньгами.

– Ты хочешь одну спальню? – Константинов усмехается. – Я не планировал, но можно устроить.

Глава 5

Константинова уводит Герман, а я остаюсь с Инной. Брюнетка подходит ближе и проводит заточенным ноготком по столу рядом с моей ладонью.

– Вы разговариваете с Максимом Викторовичем неподобающим образом, – она выбирает учительский противный тон. – Лучше бросьте это, Светлана, пока не вошло в привычку.

– Простите?

– Вы слышали.

– Нет, Инна, это вы разговариваете со мной неподобающим тоном. Вы мне не классный руководитель и не мама.

– Откуда вам знать, как разговаривают мамы?

У меня перехватывает дыхание из-за ее жестокой насмешки, я не могу скрыть эмоции и беспомощно хватаю ртом воздух. Она бьет в мое слабое место, у нас с сестрой не было родителей, нас воспитывала бабушка, да и той уже нет. Я давно привыкла, что сестра и есть моя семья. Я, как старшая, пыталась заменить ей маму, но это же невозможно.

– Вот-вот, – кивает Инна с довольной улыбкой. – Говорите только на те темы, в которых понимаете. Помните свое место, а то будет очень больно падать. Вы только изображаете, что близки Максиму Викторовичу, на самом же деле между вами пропасть. Нет, если вы будете очень настойчивы, он

проведет с вами пару ночей, он любвеобилен и иногда понижает планку.

Брюнетка очерчивает границу где-то на уровне своей талии и смотрит на меня с неприкрытой насмешкой. Я же чувствую смятение: я не привыкла, что мне в лицо плюют ядом, и в первые секунды теряюсь, как идиотка.

– Я отправляла поутру на такси девушек и попроще вас. Моделей, правда, но без надежд на подиумы Парижа и Милана. Как сказал сам Максим Викторович, в барах очень плохое освещение.

– Вы ревнуете? – я наконец проталкиваю слова через скованное горло. – Знаете, Инна, я сегодня внимательно изучу договор и проверю, могу я вам расцарапать лицо или нет.

Ее губы превращаются в прямую полоску. Ей не нравится, что я вздумала огрызаться, наверное, привыкла пугать одним своим внешним видом. Или, вернее, приближенностью к самому Максиму Викторовичу.

– Запомните свой график, – она переключается на деловые вопросы, достает из кармана пиджака сотовый и зачитывает мне строчки: – Сейчас вас заберет стилист и вы начнете работать над гардеробом. Это займет весь день. Если успеете, то сделаете первые пробы с визажистом. Потом можете отдыхать.

Она отрывает взгляд от экрана.

– Пока достаточно.

Она прожигает меня взглядом насквозь, и в этом взгляде

я отчетливо читаю обещание войны.

Ну что ж... Не я ее объявляла.

И вообще, лучше думать о стилисте и платьях, понервничать я всегда успею. Бояться Инну – только приятное ей делать. Не буду. К черту!

Я уже поворачиваю к входной двери, но вдруг оказывается, что никуда ехать не надо. Стилист уже здесь и даже переделал в элитный бутик гостиную с камином. Она оформлена в охотничьем стиле, и фигурки диких животных смотрятся совершенно безумно рядом с вешалками, которые завалены брендовыми чехлами.

Их количество навевает на меня тоску. Их десятки... Нет, сотни! Я только сейчас осознаю, сколько всего мне придется перемерить и сколько оборотов сделать вокруг оси перед зеркалом.

Высокий мужчина с еще более высокими скулами встречает меня рентгеновским взглядом. Он поднимает палец вверх и заставляет остановиться. Я замираю, едва шагнув в центр комнаты, а он плавно приближается и спускается взглядом по моему телу ниже. Меня никогда не рассматривали так жадно, будто я последняя баночка красной икры по скидке в пятьдесят процентов.

– Ясно, – заключает стилист. – Весы с тяжелым низом.

Что?

Нет у меня тяжелого низа.

И почему здесь всем надо меня оскорбить?

– Простите, не модель, – произношу с детской обидой, но ничего не могу с собой поделаться. – Ноль надежд на подиумы Парижа и Милана.

– Что?

– Ничего. Похудеть не смогу, я и так последний месяц на диете. Это мой максимум... то есть минимум.

– Худеть не надо, – стилист отмахивается, будто я сказала глупость. – Для образа невесты идеальны платья. Они же идеальны для вашего типа фигуры.

– Боже, вы сказали “не надо худеть”? Вы первый человек в этом доме, кого я люблю.

Я улыбаюсь ему и замечаю озорной огонек в его зеленых глазах.

– Нет, Светлана, вы сейчас возненавидите меня. – Он указывает на вешалки с горой одежды, которую надо перемерить. – Но потом увидите свои фотографии с выходов в свет – и тогда точно полюбите.

Он не врет. Насчет возненавидите.

Первые два часа я сохраняю бодрость духа и обращаю внимание на бирки. Третий час впрыскивает в мою кровь безразличие, а вот после четвертого начинает подниматься критичный уровень раздражения. Устаешь от молний, пуговиц, каблуков и силуэтов, в которых лучше не дышать. Высокая мода создана не для жизни, а для любования отражением.

Но любоваться быстро надоедает, хочется опять жить,

черт возьми. Я хоть немного отдыхаю, когда мы выбираем повседневные варианты, а вот вечерние платья – это проверка на стойкость.

К процессу вскоре присоединяется стилист, который прикладывает к моему лицу какие-то полоски и уходит в сторону. И так несколько раз. Потом он трогает мои волосы, задумчиво кривится и снова уходит.

– Меня же не побреют налысо? – спрашиваю у стилиста шепотом. – Это точно не подходит образу невесты.

– Только если не подберут крутые парики, – подшучивает мужчина.

– Черт.

Меня отпускают, когда за окном успеваает стемнеть. Я забираю два комплекта в чехлах, на которых наклеены фотки Полароид с инструкцией, как именно нужно заправить блузку, как застегнуть пояс и сколько пуговиц оставить незастегнутыми.

Я поднимаюсь наверх, где мне показывают мою комнату. Я сбрасываю весь груз в кресло и иду в душ. Я не обращаю внимания на комнату, уже в ванной понимаю, что даже не скажу, какого цвета обои в спальне. Я получила слишком дикую порцию впечатлений, чтобы быть в состоянии воспринимать что-то еще новое.

Поэтому я игнорирую мраморно-позолоченную ванную и иду в душевую кабинку без вздохов пораженного видами туриста. Я наношу на тело мягкий гель с цитрусовым ароматом

и ненадолго отвлекаюсь, забывая, где я и почему я.

– Ничего, Светик, – подбадриваю саму себя. – Обвыкнемся, может, даже во вкус войдем. С Инной разберемся, сейчас сестре позвоним и придумаем, что с ней делать.

После душа я набрасываю на плечи махровый белый халат, замечаю ряд баночек на стеклянной полке у зеркала и нахожу питательную маску. Быстренько наношу ее и прихватываю с собой полотенце, чтобы вытереть им потом маску. В ванную я уже не вернусь, сейчас дойду до кровати и рухну, как полагается после трудного рабочего дня.

Я открываю дверь, делаю шаг и коротко вскрикиваю.

– Ты с ума сошел?!

Константинов лежит на моей кровати, вытянувшись во весь рост и закинув ногу на ногу.

На нем домашняя пижама. Черный шелк в тонкую белую полоску. Элегантный, дорогой, идеальный... Не мужчина, а статный красавец, сошедший с рекламных страниц. Только вот почему на мою кровать?! Больше в огромном доме нигде не лежится?

А Константинов выглядит так, словно собрался спать. Занял правую сторону, скинул покрывало на пол и подбил под голову сразу три подушки.

– Погасишь свет, когда ляжешь? – лениво тянет он, бросая на меня короткий взгляд.

Короткий, правда, у него не получается. Он замечает маску с голубым оттенком на моем лице и нервно дергается, ис-

пугавшись, но через мгновение справляется с собой и снова выглядит невозмутимым. Он прикрывает глаза и всем видом показывает, что надумал ночевать именно здесь.

Я же смотрю на клавиши. Там столько кнопок с каждой стороны кровати, что можно включить/выключить любую лампочку в доме, и заодно завтрак в постель заказать. Но господин Большой Босс сам руку не протянет, он лучше распоряжение отдаст.

– Погашу. – Я киваю и делаю уверенный шаг в спальню. – Как только ты уйдешь.

– Уйдешь? – Он приоткрывает один глаз и смотрит на меня. – Я только пришел, милая. И чертовски устал, давай уже баиньки.

Он ласково улыбается мне, а в глазах откормленные чертята так и пляшут. Константинов выбрасывает правую ладонь и похлопывает по свободной стороне, приглашая. Его улыбка сразу становится другой – лукавой и с подтекстом.

– Не упрямясь...

– Константинов, ты шутишь с огнём. Я сейчас со злости сделаю какую-нибудь глупость, и виноват в ней будешь ты!

– Я родился мужиком, я всегда виноват. Я привык.

Ар-р-р-р!

– Ну и черт с тобой! Сладких снов!

Я злым шагом пересекаю комнату и подхватываю с кресла свою одежду. У меня нет сил препираться с ним и соревноваться в язвительности, я спать хочу! Забраться в мягкую

постельку и забыться до следующего утра. Хоть чуть-чуть отдохнуть от этой избалованной физиономии!

Я направляюсь к двери, но Константинов вдруг поднимается на ноги и догоняет меня за мгновение. Это очень легко при его росте, один его шаг как три моих. Он вырастает передо мной непреступной стенкой и закрывает весь проход.

– Куда ты собралась?

– Здесь два этажа. Я найду где лечь, если тебе уж так приглянулась эта спальня.

– Черт, Света, может, уже хватит? Шутки хороши в меру. – Он взмахивает ладонью и запускает пальцы в свои жесткие волосы. – Иди в кровать. Я собираюсь спать, а не проверять, есть ли что-то под твоим халатом.

Он указывает на махровый халат, а я вдруг вспоминаю, что под ним как раз ничего. Я накрываю вырез ладонями и стягиваю ткань еще туже, на что Константинов изгибает бровь. Отлично, гад явно догадался, что белья на мне нет.

– Я не буду спать с тобой в одной кровати, – отрезаю.

– У нас скоро свадьба, ты помнишь?

– Ненастоящая.

– Для всех вокруг настоящая, – не отступает Константинов.

– Здесь можно не стараться, всем плевать, ночуем мы в одной комнате или нет.

– А в гостях? В поездке? Будем снимать два номера в отеле? Слышал, молодые супруги именно так и делают.

Он понижает голос и перестает колоть иголками превосходства. Константинов неожиданно звучит взвешенно и спокойно, чем сбивает меня с толку. У меня на языке крутится очередная шпилька в его адрес, а вставить ее некуда. Он даже смотрит иначе.

– Я устал, Света. Я не хочу давить на тебя и вспоминать контракт, но мне нужно, чтобы ты уяснила ситуацию. Раз и навсегда. Мы не играем в игру, не развлекаемся, не устраиваем театральную постановку. На кону моя репутация и мой бизнес. Я не собираюсь рисковать и давать шанс идиотским случайностям. Ничего подобного. – Он коротко качает головой. – Я привык всё контролировать.

– Я уже заметила.

– И привык приказывать тем, кому плачу деньги.

А мне он платит.

Константинов не произносит это вслух. И так очевидно.

– Поэтому мы будем жить как муж и жена. С этого дня. За одним только исключением. – Он переводит взгляд на вырез моего халата, намекая на очевидное. – Чем быстрее ты привыкнешь ко мне, тем лучше.

Он протягивает ладонь и касается моего плеча, перебирая крепкими пальцами. Я обмираю, теряясь под катком его темного напиряющего взгляда. Мне остается всего шажок до страха...

– Не надо, – выходит жалкий шепот, от которого мне самой противно.

– Перечитай договор, я имею право. Я не могу раздевать тебя и склонять к близости, но тактильный контакт возможен.

– Мне не по себе. – Я веду плечом. – Пожалуйста. Константинов устало прикрывает глаза, но ладонь убирает.

– Я лягу на диване, – произносит он на выдохе.

После чего отступает в сторону и поворачивает к окну, рядом с которым расположен мягкий уголок. Константинов не идет за одеялом, а падает на диван прямо так. Я смотрю, как он подтягивает под голову небольшую декоративную подушку и вскоре замирает. Отключается буквально за секунду, как бывает, когда смертельно устал.

Я же стою в нерешительности, не зная, что мне делать. Прижимаю к груди чехлы с одеждой и чувствую, как покалывают пальцы острые углы фотокарточек Полароида.

– Сама подписала, – корю себя и подтягиваю чехлы повыше. – Сама дура.

Я проклиная себя, но решаю остаться в комнате, тем более чувствую, что тоже скоро усну. Глаза уже слипаются. Я подхожу к кровати и бросаю чехлы на правую сторону на случай вторжения Константинова. Они зашуршат, если он вернется в кровать.

Потом вновь ныряю в ванную комнату и надеваю белье и длинную тунику. Самую длинную, какую только нахожу на полке. Халат тоже оставляю и завязываю двойной узел. Когда

возвращаюсь в спальню, слышу размеренное дыхание мужчины. К счастью, он не храпит, но присутствие чужого человека (и пусть он трижды записан в договоре как будущий муж!) напрягает. Но делать нечего, я иду к кровати и уже хочу гасить ночник, как замечаю под ногами фотографию. Она отклеилась от чехла. Я поднимаю ее с пола и забрасываю на тумбочку.

Стоп.

Фотография случайно ложится обратной стороной, и моему взгляду открывается ровный почерк. Чьей-то рукой написано две строчки.

“Вам нужно поговорить с его бывшей женой без посторонних.

Я могу это устроить”.

Чуть ниже указан номер телефона.

Глава 6

Мне так и не возвращают мой телефон, хотя я несколько раз прошу то Инну, то других помощников привезти его из моей квартиры. Или позволить сестре передать его. Но нет, мне выдают новенький телефон и напоминают пункты договора, которые строго запрещают обсуждать с кем-либо отношения с Константиновым.

Сам Константинов уезжает на открытие детского фонда, после следует еще пара неотложных встреч, и в первый день я вижу будущего супруга лишь к вечеру. Ритуал с общей ночевкой, где я лежу в двух слоях одежды на кровати, а он спит на диване, повторяется. Я понимаю, что рано или поздно ему это надоест и он найдет способ скинуть чехлы со второй половины кровати, чтобы занять ее собственным телом, но сама звать его в постель не тороплюсь.

Я вообще стараюсь его не трогать. Я абстрагируюсь и раз за разом напоминаю себе, что это моя работа. Всего лишь должность, за которую мне платят хорошие деньги. Сестра говорит то же самое, когда мы переписываемся в чате или созваниваемся, она подбадривает меня и советует не смотреть новости. Она вот совершила необдуманную ошибку и в первый звонок разговаривала со мной дрожащим голосом.

– Он же нормальный, да? – выпытывала она, беспокоясь. – Без агрессии?

– Боже, Лизка. Что там про него говорят?

– А ты не видела?

– Когда? Вчера весь день была примерка, а сегодня мне кинули расписание в шесть утра. У меня через двадцать минут ораторское мастерство.

– Ох, – сестра шумно выдыхает, – другим человеком вернешься.

– Если вернусь, – я подшучиваю, но сестра не разделяет моего черного юмора. – Прости... Я тоже немного нервничаю, он нормальный, но я не привыкла к таким людям. Видно, что он другой. Из другой жизни.

Я понижаю голос, запоздало понимая, что в данный момент как раз нарушаю чертов договор. Я делаю не что иное, как обсуждаю отношения с Константиновым с другим человеком. Юристам же плевать на сестринскую связь, когда невозможно ничего утаить.

Мы с Лизкой привыкли держаться друг за друга, и плевать, что мы совершенно не похожи внешне. Где-то случился генетический сбой, ну или сбой супружеской верности, и я вышла светловолосой милашкой с большими глазами, а Лизка получила темные жесткие волосы и резковатые, а если говорить совсем честно, стервозные черты. Нас вечно забавляют общие фотографии, на которых мы смотримся как дети от разных браков.

– Да и потом, он мой босс, – добавляю, переходя на шепот. – А эти люди редко бывают приятными.

– Это даже смешно, Светик. Ты ушла с работы и стала кондитером, чтобы не терпеть офисные порядки. Помнишь, как ты жаловалась на Антонину Сергеевну? Она требовала блузки идеально белого цвета, – сестра звонко цокает языком, – и никакой слоновой кости или кремового! Я как вчера помню, как ты со слезами на глазах показывала мне блузку, которую она раскритиковала.

– Я прикладывала к ней лист бумаги для печати. Они были одного цвета, Лиза!

Да, было.

– Не думаю, что Константинов переплюнет Антонину Сергеевну, – подбадривает сестра. – Главное, чтобы не приставал.

Константинов не пристаёт. На второй день он задерживается в загородном доме и у нас случается семейный завтрак. Спокойный и молчаливый, я сперва нервничаю, как на экзамене, а потом вспоминаю его слова, что нам нужно привыкнуть друг к другу. Поэтому сижу и привыкаю.

У нас даже не происходит разговора: Константинов сперва занят экономическими новостями, а потом перепиской в телефоне. Он хмурится и выглядит грозно и солидно. Я впервые вижу его в футболке и не могу не отметить завидную физическую форму. Мне не нравится, что он и под пиджаком идеальный, словно не достаточно быть ироничным, богатым и умным. Нет, он отточил мускулы до совершенства и в простой футболке выглядит как фитнес-тренер.

Я смотрю на него и не решаюсь заговорить о фотографии с неизвестным номером телефона. Что-то мешает мне, как внутренний барьер...

Я все-таки украдкой посмотрела отрывки из интервью его бывшей жены. Меня неприятно кольнуло, что у нас с ней оказались одного цвета волосы, только Ольга старше меня и худее. Она выглядит как модель, сухая и высокая, с минимальной жестикуляцией и холодным лицом. Но говорила она убедительно, не читала по бумажке или бросалась в наигранные истерики, заламывая руки.

Ничего подобного. Она вышла к камерам с официальным обращением и начала с того, что была вынуждена молчать пять лет, потому что финансово зависела от Константинова. Их связывал брачный контракт и куча дополнительных соглашений. Она смогла их оспорить только сейчас, когда у нее появился влиятельный покровитель, который не боится помочь ей в войне с бывшим мужем. Именно так она это назвала.

Войной.

Я захлопнула ноутбук, когда она начала описывать, как Константинов издевался над ней, и долго мерила комнату беспокойными шагами. Возвращалась к фотографии с телефоном и предложением поговорить с ней без посторонних. Только откуда мне знать, что это послание от нее? Вдруг это проверка? Или подстава? От той же Инны. Она точно не упустит возможности показать Константинову, какая я лживая

и ненадежная особа. Не то что она, верная спутница и помощница.

– Иногда лучше ничего не делать, – я произнесла свое решение вслух, чтобы закрепить его.

И просто-напросто оставила фотографию на тумбочке. Я только перевернула ее обратно лицом и положила рядом остальные. Я же могла банально не заметить надпись на обороте? Могла. Так что я ничего не видела и не знаю. А то, что я заучила телефон наизусть, никак проверить нельзя. Мои мысли, к счастью, не контролируются договором. Могу хранить в них, что хочу.

На третий день намечается первый выход в свет. Мне делают макияж и наряжают в голубое платье, как куклу, выдают элегантный клатч и золотые украшения из коробочки с красной бархатной подложкой. А вот коробочка с туфлями задерживается, и ее обещают выдать чуть позже.

– Вот, – Инна выныривает прямо перед моим лицом и вдавликает мне в грудную клетку папку, – повторишь легенду. Где познакомились, где будет свадьба и так далее.

Этот текст мне скоро во сне будет приходиться. Вместе с клацаньем печатной машинки. Я читала его раз двадцать и могу повторить слово в слово.

– Но мне сказали, что никакого интервью не будет. Просто пройтись под камерами с ним за руку.

– Да, – Инна кивает, – это первое крещение, Светлана, но повторить легенду никогда не будет лишним.

Она расплывается в фальшивой улыбке и заносит ладонь, чтобы поправить мой локон. Я не даюсь, отодвигаясь от брюнетки подальше.

– Удачное платье, – произносит Инна, не обращая внимания на мою холодность. – С туфлями будет вовсе идеально. Я распоряджусь, чтобы с ними поторопились. А то идти босиком дресс-код не позволит.

Она странно усмехается, и мне становится не по себе. Я не жду от этой женщины ничего хорошего, и только мысль, что она, как и я, работает на Константинова, а значит, у нас общая цель, чуть успокаивает.

– Машина подана, – добавляет Инна, получив сообщение на сотовый. – За мной, Светлана.

Мы сворачиваем в коридор, где снуют бесконечные помощники и охранники. Я уже привыкла к мельтешению людей, больше половины которых не знаю по именам, и не удивляюсь, как в первый день.

– Светлана.

Я реагирую на низкий голос Константинова. У его голоса, кстати, тоже бархатная подложка. Константинов умеет укрывать приятными интонациями, как теплым пледом, а иногда, наоборот, колется и поддевает. Мне становится легче, что он решил быть галантным в мой первый раз, и я с благодарностью приобнимаю его за локоть.

– Отличное платье, – произносит он вполголоса, что придает обычному комплименту интимное послевкусие. – И ты

прекрасна.

– Ты пытаешься успокоить меня?

– Расслабить. – Константинов легонько улыбается.

Он одним взглядом отгоняет охранника и сам открывает дверцу черного внедорожника для меня. Я поправляю юбку, которая вдруг кажется мне короткой. Ведь я сижу, а Константинов вот-вот сядет и будет рядом как минимум полчаса.

– Светлана, – через окно меня зовет Инна. – Туфли.

Она передает их мне и переводит взгляд на Максима, который уже запрыгнул в салон.

– Мы немного опаздываем, – сообщает она боссу. – Я сказала водителю, чтобы он нагнал.

– Отлично, Инна.

– Удачи. – Она обворожительно улыбается Константинову и даже не смотрит в мою сторону. – Всё должно пройти идеально. Первый выход – это первое впечатление.

– А оно самое главное, – заканчиваю банальность за нее.

После чего нажимаю кнопку и отсекаю Инну тонированным стеклом.

Машина трогается, я открываю коробку и вижу туфельки на среднем каблуке телесного цвета. Они восхитительны и смотрятся вполне удобными. Вечер точно продержусь.

– Помочь? – Константинов закусывает нижнюю губу и хитро смотрит на туфельки. – У меня нежные руки.

– У меня тоже. Справлюсь.

Когда мы уже подъезжаем к месту, я поворачиваюсь к

Константинову спиной и подтягиваю ноги на сиденье. Надеваю туфли и сразу же чувствую неладное. Слишком тесно и жестко... Черт! Меня откидывает назад, когда водитель закладывает резкий поворот на парковке. Слышится протяжный звук клаксона, такой противный, что идеально подходит моменту.

Лучше мелодию не придумать, ведь я падаю на бедра Константинова и вижу его развеселый, довольный взгляд. Он смотрит на меня сверху вниз и приподнимает руки, показывая, что я всё сама. Он ничего не делал. Он же сегодня образцовый джентльмен в шикарном костюме.

Мне же не до шуток. Стоит чуть отдышаться от неловкого падения, как я закрываю лицо ладонями и почти плачу. Туфли мне ужасно малы, стопы сдавливают тисками и с каждой секундой становится больнее и больнее!

Глава 7

Я едва успеваю разогнуться и поправить платье, как дверь машины распахивается. Я быстро провожу пальцами под глазами, поправляя макияж, беру с сиденья клатч и изображаю непринужденную улыбку высокому мужчине в темно-голубом пиджаке. Не уверена, что улыбка выходит непринужденной, но посмотреться в зеркало времени нет. Нас уже встречают, а сзади напирает следующая машина с приглашенными гостями.

Служащий протягивает мне ладонь в бархатной перчатке и помогает выбраться из авто. Я делаю шаг, сжимаю зубы до скрежета и бесшумно шиплю. Хотя хочется ругаться матом! Я сейчас очень и очень далека от образа нежной невесты, внутри меня клокочет злость, обида и желание сорвать туфли к черту! Швырнуть их подальше и желательно достать до машины сопровождения, в которой должна ехать Инна.

– Спасибо, – Константинов благодарит служащего и берет меня под руку, чтобы повести дальше.

А дальше ковровая дорожка, которая кажется бесконечной. Мы должны сделать проход по ней, потом остановиться у стенда с рекламными лейблами и поулыбаться для фотографов. Их вопросы разрешено игнорировать, что немного облегчает задачу. Но мне уже дурно, я послушно делаю шаг вслед за Константиновым и почти повисаю на его локте. Мне

было больно, когда я сидела, а теперь вовсе невыносимо. Давит, режет и колет одновременно. Не туфли, а справочник всех видов болей! Попробуй всё и сразу!

– Что с тобой? – спрашивает Константинов вполголоса, а сам уже заносит руку, чтобы вальяжно поприветствовать папарацци.

– Туфли, – цежу сквозь зубы. – Слишком удобные.

Я делаю еще шаг и еще, а потом вхожу в злой раж и решаю вытерпеть это до конца во что бы то ни стало. Потом я разберусь с Инной и с Константиновым поговорю, но сейчас я отработаю чертову ковровую дорожку, как записано в моем контракте.

Константинов накрывает мою ладонь своей и подводит к стенду, где нужно остановиться и попозировать. Он задает “танец” и помогает мне выбирать правильное положение. То одно, то другое. За ним легко следовать, как за опытным игроком, я обхватываю его ладонь крепче и мысленно благодарю, когда он приобнимает меня за талию и почти отрывает от пола.

Я блаженно выдыхаю, когда становится легче в сильных мужских руках, и Константинов это замечает. Он переводит внимательный взгляд на мое лицо и прочитывает его с легкостью. Он видит, что я держу лицо, а сама готова расплакаться.

– Как давно вы встречаетесь? – выкрикивают из толпы фотографов. – Вы уже показали невесте дом в Лючане? Как вам,

Светлана? Уже привыкли к роскошной жизни?

Щелчки фотозатворов и ослепляющие вспышки кажутся волной, затяжной и ненасытной. Я улыбаюсь через боль и переплетаю пальцы с Константиновым, чтобы он даже не думал убирать руку с моей талии. Он и не думает, он держит меня на весу, прижимая боком к своему стальному корпусу, и продолжает то обворожительно, то иронично улыбаться на камеру.

– Вы виделись с бывшей женой Константинова? – не унимаются фотографы. – Она заявила, что хочет пообщаться с вами. Вы согласны на очную ставку в прямом эфире?

– Достаточно. – Откуда-то выныривает девушка с пропуском, который болтается на длинном шнурке, и взмахом ладони показывает, что наступило время следующих гостей.

Я вдруг понимаю, что снова придется идти, и теряю весь бойцовский запал в мгновение. Сама не замечаю, как утыкаюсь лбом в плечо Константинова, словно хочу спрятаться ото всех, как маленький ребенок.

– Милая, – слишком громко произносит Константинов, – мы еще не одни.

Он усмехается, поддразнивая толпу фотографов, которым хочется получить горячие кадры, вдруг подхватывает меня на руки, изображая внезапный прилив чувств, и целует в губы. Обжигает сперва горячим дыханием, а потом самым прикосновением. Откровенным, по-мужски уверенным и терпким. Поцелуй Константинова распускается на моей коже и

смешивает столько эмоций в груди, что даже боль на мгновение отступает на второй план.

– Дыши, – шепчет Константинов с усмешкой, отрываясь от меня. – Если ты сейчас потеряешь сознание от восторга, все подумают, что ты беременна.

Он порывисто разворачивается и уносит меня. Я считаю каждый его шаг и жду, когда мы окажемся там, где нет посторонних.

– Так больно? – спрашивает Константинов, поворачивая к служебным дверям.

Я киваю. За нами уже стучат шаги охраны.

– Никого не пускай, – приказывает Константинов и заносит меня внутрь.

Мы оказываемся в квадратной комнате, стены которой выложены сероватым кафелем. Выглядит как ресторанный кухня, стоят металлические столы, а сверху нависают массивные вытяжки.

– Сними их с меня, сними, – умоляю и сама же тянусь к проклятым туфлям.

Константинов оказывается ловчее. Он за секунду усаживает меня на стол и обхватывает лодыжку. В его крупных руках вдруг просыпается столько нежности, что я разгибаюсь и больше не стараюсь сделать всё самостоятельно.

– Только осторожно, – шепчу, зажмуриваясь. – Пожалуйста. Мне очень больно.

Он поддевает первую туфельку и сдергивает ее прочь.

Проделывает то же самое со второй и заслуживает мой облегченный стон. Теперь мне хочется плакать от счастья, стопы по-прежнему болезненно покалывает, но я чувствую, как с каждой секундой боль притупляется. По миллиметру, но отступает.

– Я найду полотенце, – бросает Константинов хмуро.

– Зачем?

Мужчина не отвечает. Молча стаскивает с крючка полотенце, подставляет под кран и возвращается ко мне. Боже... Махровая ткань напиталась холодом и мгновенно вводит меня в транс целебным эффектом. Я утыкаюсь лицом в коленки и жду, когда мне совсем полегчает. Константинов, к счастью, дает мне время, он спокойно стоит рядом и тоже ждет. Правда, руки не убирает, как укрыл мои ноги полотенцем, так и оставил длинные крепкие пальцы на моих лодыжках.

– Коробку с туфлями дала Инна, да? – спрашивает он.

– Ты же сам видел. Она передала коробку в последний момент.

– У тебя с ней проблемы? – Константинов хмурится и выглядит озадаченным. – С Инной?

– У меня с ней – нет. – Я пожимаю плечами. – Но она меня невзлюбила за что-то. Может, ревнует?

– Ко мне? Не замечал, – он берет короткую паузу, о чем-то раздумывая. – Я разберусь, чтобы такого не повторилось.

Я смотрю на Константинова и чуть отклоняюсь назад, чтобы было чем дышать. Наши лица слишком близко, можно

подумать, он снова надумал меня целовать. А я не хочу возводить это в привычку.

– Боишься, что снова поцелую? – Гад с легкостью читает мои мысли и усмехается. – Тебе не понравилось?

– Мне в тот момент всё понравилось. Лишь бы не стоять на своих ногах.

Константинов щурит глаза, смотря на меня с хитринкой. Я же опускаю взгляд на его руки, которые он забыл на моем теле. Я непроизвольно закусываю нижнюю губу и слишком шумно выдыхаю. Мне неловко, но в то же время приятно. Пытаюсь отрицать свои эмоции всеми силами, но выходит так себе.

Да и как?

Константинов умеет дотрагиваться до женского тела, это, черт возьми, очевидно. Опыт, сила и порочное обещание в каждом миллиметре соприкосновения наших тел. Он даже не нажимает пальцами, а я все равно ощущаю непоколебимую мужскую уверенность. Как тягучий морок... Мне на ум, помимо моей воли, приходят мысли, что он умеет укрощать и приручать, умеет сражаться с женскими капризами и ловко обходить все защиты, он не спорит и не пытается убедить на словах, он действует по-другому.

Тоньше и летальнее.

Как сейчас. Он молчит, а я думаю о его руках.

– Полотенце можно снимать, – бросаю поспешно.

Мне нужно уже отвлечься и перестать думать об умениях

Константинова. Я наклоняюсь вперед и откидываю полотенце, после чего спускаю ноги. Константинов не останавливает меня, но делает шаг. Он встает прямо передо мной и едва не надавливает корпусом на мою грудь. Вот зачем он? Будто непонятно, что я, наоборот, ищу вежливую дистанцию. Мы отыграли роль любовников перед камерами, за закрытыми дверями можно и тайм-аут взять.

– Ты давишь, Константинов, – говорю прямо, вздергивая подбородок. – Сделай, пожалуйста, шаг назад.

– Тебе неудобно?

– Да. Именно.

– Потому что противен? Или, наоборот, чертовски привлекателен? Уже боишься увлечься?

Ах, он...

– Выбери вариант за меня, только отойди.

Я выставляю руки и подталкиваю его в верном направлении. Подальше от меня.

– И ты забыл третий вариант, – не могу удержаться и продолжаю говорить. – Я еще могу бояться тебя. Мы заключили договор до того, как я узнала об обвинениях твоей бывшей жены. А она обвиняет тебя в ужасных вещах, я бы могла передумать связываться с тобой.

– Хочешь повышение зарплаты?

Он произносит с холодом. Самообладание отказывает ему, стоит только коснуться его прошлого.

– Хочу лучше понимать, во что ввязалась. Расскажи о ней,

о вашем браке... Почему она делает это с тобой?

Константинов зажигает короткую и грустную улыбку на жестких губах. Он отступает в сторону, а потом подходит к другому столу и облакачивается на него. Распускает верхние пуговицы рубашки, срывая узел темно-синего галстука.

– Она спит с моим конкурентом. Его зовут Влад Цебоев, у него нефтяные вышки на шельфе Каспийского моря.

– Звучит опасно.

– Да, он опасный соперник. Наша холодная война тянется уже несколько лет, он перекупал мои сделки, я отвечал ему тем же, но потом начались личные выпады. Взять в любовницы мою бывшую жену – один из них. Только теперь она заговорила на радость федеральным каналам. Они готовят иски против меня и базу для обвинения...

– То есть это не блеф? Они пойдут в суд?

Константинов кивает.

– И тебя могут посадить?

Боже!

– Не думай об этом. Тебя это в любом случае не коснется.

Я пытаюсь справиться с шоком. Я качаю головой и не могу понять: как так? Да, все знают, что бывшие иногда готовы убить друг друга, но мне всегда казалось, что это скорее фигура речи, чем реальность.

– Мне все равно непонятно, за что она так с тобой. Ты же не чужой ей. Пусть у вас не было детей, но вы же любили друг друга, были и хорошие времена...

– Я испортил ее. – Константинов прикрывает глаза, выпуская усталый выдох. – Некоторых людей большие деньги очень быстро портят. Моментально, не успеваешь даже ничего понять и сделать. А я привез ее в Москву совсем молодую и неискушенную.

– Сколько ей?

– Вы с Ольгой ровесницы.

Оу.

– Удивлена?

– Да, я подумала, что она старше меня лет на пять-семь.

– Значит, все-таки смотрела ее интервью?

Черт!

Константинов подлавливает меня, но смотрит без злобы.

– Поэтому она постоянно красится в блондинку, – добавляет он. – Ольга помешана на своем возрасте и ненавидит гены, из-за которых выглядит старше. Уверен, она уже трижды сожгла твою фотографию.

– О, а у них много общего с моей сестрой, – я глупо подшучиваю, чтобы разрядить обстановку. – Сестра тоже темненькая и... скажем так, тоже с суровым лицом. Новые знакомые вечно думают, что старшая она, а не я.

Константинов странно смотрит на меня, словно я не о своей сестре заговорила, а сорвать договор обещаю. Я не понимаю, в чем дело, и решаю, что он просто-напросто не оценил мою шутку.

Хотя что-то все равно неприятно колет, что-то не так...

– Мы скоро поедem, – произносит он задумчиво, когда справляется с собой, и бросает взгляд на наручные часы.

– Я пойду босиком?

– Я могу донести на руках.

– Еще потянешь спину, – изображаю я сердечную заботу влюбленной невесты. – Не надо таких жертв, милый.

Я упираюсь руками в стол, чтобы спрыгнуть на пол, но Константинов останавливает меня жестом.

– Сейчас принесут другую обувь. Охрана уже суетится.

Глава 8

Я прошла боевое крещение.

Мой первый выход в свет превзошел все ожидания, новостные ленты заполонили наши с Константиновым фотографии, а наш скорый брак не обсудил только ленивый. Как оказалось, есть сотня сайтов и изданий, где знаменитостям перемыывают косточки – рассматривают каждый сантиметр платья, проверяют, кто, на кого и как взглянул, под лупой смотрят, намечается ли у невесты животик, и высчитывают, сколько стоила ее сумочка.

И вообще, как она смотрится на фоне бывшей? Лучше? Хуже? Тут же проводят онлайн голосование.

Я выиграла у Ольги, но от этой победы приятнее не стало. Я оказалась не готова к сумасшедшему вниманию, и у меня банально разболелась голова. А от наших фотографий с Константиновым участился пульс. В новости попали самые горячие из них. Те, где он целует меня и крепко прижимает к своему телу. Очень-очень крепко, даже я поверила, что он давно и прочно допущен к этому самому телу.

– Отлично, – с восхищенной улыбкой поет Инна, которая появляется в загородном доме только на следующий день. – Нам удалось сбить фокус с образа Константинов-тиран на образ Константинов-жених. Пусть лучше обсуждают его личную жизнь, чем слушают бред его бывшей.

Она бросает папки на большой стол и смотрит, как я помешиваю кофе с молоком в чашке. После она опускает глаза ниже, проводя строгую линию от моего лица до стоп.

– Как ножки? – фальшивый тон фальшивой подружки. – Надеюсь, ничего серьезного. Я уже поговорила с Асей, она всего лишь стажер – и вот так ужасно ошиблась. Но она больше не будет работать с нами, не беспокойся.

– Я не знаю никакую Асю, – произношу спокойно. – Но уверена, ты отлично подготовилась и все ниточки действительно ведут к бедному стажеру.

– Не понимаю, о чем ты.

– Инна, ты ведь даже не знаешь меня. А вдруг я бы расплакалась? Или вовсе закатила истерику? Сорвала бы выход, и твой босс остался бы без образа Константинов-жених.

Инна берет паузу, прежде чем ответить, и бесцеремонно рассматривает меня. Будто мишень на моем теле выбирает. Я же выдерживаю ее тяжелый взгляд, отпиваю из чашки и подумываю о том, что надо добавить еще сахара. Инну трудно переносить без подсластителя.

– Ты зря думаешь, что я не знаю тебя, – усмехается Инна. – Я составляла досье на тебя для Максима Викторовича. Он не говорил тебе?

Он говорил о досье, это я точно помню. Он сбил меня с толку, когда начал сыпать фактами из моей биографии, стоя в прихожей моей квартиры. Черт... Так это тоже работа Инны? Сколько служащих она заменяет? Она его правая рука?

Поверенное лицо?

– Ты бы не закатила истерику, – продолжает Инна. – Не тот характер.

– Ты уже и в моем характере разобралась?

– Я в процессе. Я должна составить твой психологический портрет к концу недели.

Мне хочется ее прибить. Она первый человек в моей жизни, который вызывает во мне раскаленные эмоции. Злость и желание поставить на место.

– Может, ты даже в курсе, почему он выбрал именно меня?

Я холодно улыбаюсь ей и смотрю с вызовом.

– Может. – Она насмешливо кривит уголки губ. – Гложет, да? Ты же не идиотка, Светлана, и понимаешь, какая пропасть между тобой и господином Константиновым. Догадываешься, что одного милого личика мало, да и личико милее не так уж сложно найти. Знаешь, я бы могла целый кастинг провести.

– Не сомневаюсь.

– Нам бы с тобой на нем оставалось только плакать, глядя на конкуренток. Мы с тобой не красотки. Симпатичные, да, но не более... А такие мужчины, как Константинов, привыкли именно к красоткам. Они не замечают таких, как мы. Хотя могут обратить внимание по двум причинам. Как на профессионала, – она указывает ладонью на себя. – Или как на...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.